ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ



Жаннет Фишер

ВСЕ ЖЕЛАННОЕ СО МНОЙ: НАРЦИСС и НАРЦИССИЗМ

Жаннет Фишер

Все желанное со мной. Нарцисс и нарциссизм

Серия «СОПЗ. Психология и психиатрия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72873502
Все желанное со мной: Нарцисс и нарциссизм:
ISBN 978-5-907982-62-8

Аннотация

Слово «нарциссизм» у всех на устах. Обычный дискурс предполагает патологию человека, чьи зловещие, разрушительные качества мы начинаем ощущать в отношениях, будь то личные или общие. Чтобы укрепить этот взгляд, многие обращаются к общепринятым повседневным психологическим «диагнозам». Это позволяет им считать себя безвинно вовлеченными в такие отношения. Автор, цюрихский психоаналитик, основываясь на своей практике, отрицает разделение на нарциссическое и ненарциссическое, на виновное и невиновное, зло и добро. Она использует повествование Овидия и спрашивает: почему Нарцисс остается самим собой только в качестве противоположности? Почему мир ускользает от него?

Нужен ли этому миру нарцисс? В книге освещаются не только личные модели нарциссических отношений, но и их формы.

Содержание

Предисловие 6
Нарциссизм и Нарцисс 9
Нарцисс у Овидия 15
Пространство для «я» и «ты» 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Жаннет Фишер
Все желанное со мной: Нарцисс и нарциссизм

Посвящается
Северину и Жасмин,
Левину, Давину и Дориану

© 2023 Vittorio Klostermann GmbH, Frankfurt am Main
© © Zosia Prominska, фото, 2026
© Федорова Н., перевод, 2026
© ИД «Городец», 2026
Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.
@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (https://gorodets.ru/)

Предисловие

Слово «нарциссизм» сейчас на слуху у каждого. Мы знаем, что это негативная черта и, если она приписывается человеку, его следует избегать или даже разорвать отношения с ним в том случае, если они были романтическими.

В привычном понимании это патология, и человек, который привносит ее в отношения, сеет в них страдания. Чтобы в этом убедиться, многие прибегают к «диагнозам» – не в последнюю очередь для того, чтобы выгородить себя как невинного участника, вовлеченного в подобные узы.

В этой книге я рассматриваю формы привязанности и отношений, которые приводят к феномену «нарциссизма». Опираясь на третью книгу «Метаморфоз» древнеримского поэта Овидия, в которой рассказана история Нарцисса и Эха. Жизнь Нарцисса описана от момента рождения до момента смерти, превращения в цветок: «Но вместо тела шафранный / Ими найден был цветок с белоснежными вкруг лепестками»[1]. Эта трагическая история жизни послужит значимым основанием для моих замечаний и тезисов.

В психоаналитической литературе можно найти множество исследований на тему нарциссизма, которые проводились еще до Зигмунда Фрейда. Но именно его работа «К

[1] Здесь и далее перевод С. В. Шервинского.

введению в нарциссизм» 1914 года и установила этот термин, который по сей день является источником исследований, осуществляемых посредством разных подходов и с разных точек зрения. Поначалу нарциссизм относили к патологическому феномену, но позже увлечение собственной личностью приобрело новое значение как необходимый этап развития, дающий стимул к творчеству и осознанию самоценности. Некоторые психоаналитики полагают, что нарциссизм всего-навсего необходимо обуздать, смягчить его крайние проявления и оценивать, как основу опыта и поведения.

Толкований существует множество. В своих размышлениях я преимущественно опираюсь на межсубъектный подход – форму взаимоотношений, основанную на равенстве людей, признании отличия других и осознании того, что другие люди – это всегда «не-я». Исходя из этого, я исследую причины нарциссизма, пытаясь понять его как явление. При этом я избегаю ярлыков и стараюсь проанализировать причины нарциссической динамики взаимоотношений. Мои исследования в этой области в конечном счете должны помочь нам обнаружить нарциссические черты в самих себе – и, возможно, даже изменить их. Основу анализа в этой книге в значительной степени составляет мой тридцатилетний опыт работы психоаналитиком – таким образом, книга представляет собой прежде всего «практическую теорию».

Я выражаю благодарность Жаннин Хорни, моему неутомимому редактору, придавшей высказываниям необходи-

мую четкость, и издателю Витторио Клостерману за доверие. От всего сердца благодарю Гвидо Флури за его щедрую финансовую поддержку.

Нарциссизм и Нарцисс

В современной повседневной речи термин «нарцисс» используется как ругательство. Когда кого-либо так называют, сразу становится ясно: это зловредный эгоист, заботящийся только о собственной выгоде, мучитель для всех и каждого. Таким образом, нарциссу приписывается власть над окружающими. Следовательно, нам неизбежно приходится задуматься о власти – как на личностном, так и на общественном уровне.

Первоначально миф о Нарциссе возник в греческой мифологии и позднее был подробно описан римским поэтом Публием Овидием Назоном (43 до н. э. – 17 н. э.), более известным как Овидий, в третьей книге его «Метаморфоз» великолепным поэтическим слогом. Это миф о юноше, который увидел в пруду свое отражение и влюбился в него. Однако он не мог ни прикоснуться к нему, ни поцеловать, потому что хотя отражение и тянулось к нему, но всякий раз исчезало в момент соприкосновения. Для дальнейшего осмысления фигуры Нарцисса важно отметить, что отражение также желало его.

То, что Нарцисс, как описал Овидий, вожделеет самого себя, сегодня с удовольствием цитируется и едко комментируется представителями психологии повседневности. Нарцисс превратился в объект постоянной стигматизации. Го-

ворят об эре нарциссов, когда ведущие политики, влиятельные фигуры в экономике и обществе достигают власти именно благодаря этому качеству – или благодаря их так называемой нарциссической предрасположенности оказываются выбранными или продвинутыми на эти должности. Похоже, такие люди нам нужны. А может быть, мы даже симпатизируем им? Тем не менее в общем и целом мы присоединяемся к мнению, что самовлюбленный человек – это, как правило, человек безучастный, потому что не признает другого, не воспринимает его как самостоятельную и уникальную личность, пренебрегает им и использует в собственных целях. Другие люди интересны ему только потому, что ими можно воспользоваться как инструментами. Во многих журналах, особенно в женских, активно обсуждается эта тема – преимущественно в отношении мужчин – и даются советы, как с ними обращаться. СМИ полны заголовков вроде:

– «Распознай нарцисса: главные тревожные признаки» – «Вот как его узнать» (обратите внимание на мужской род) – «Осторожно: скрытый нарциссизм может со временем разрушить твою самооценку» – «Особенно высокочувствительные люди постоянно влюбляются в нарциссов, которые разбивают им сердце».

НАРЦИССЫ – ЭТО СОВРЕМЕННЫЕ ЗЛОДЕИ: ЭГОИСТИЧНЫЕ И ЛИШЕННЫЕ ЭМПАТИИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, НО ВОСТРЕБОВАННЫЕ ВНЕ БЛИЗКИХ СВЯЗЕЙ

И ВЫЗЫВАЮЩИЕ ВОСХИЩЕНИЕ КАК СПОСОБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ, ИЛИ ЛЮДИ, ЗАДАЮЩИЕ ТРЕНДЫ В МОДЕ И ИСКУССТВЕ.

Однако всем нам знакома эта игра в самолюбование, влечение к себе: мы делаем селфи, наблюдаем за собственным изображением на собраниях в зуме, пугаемся, когда над раковиной нет зеркала, чтобы проверить, как мы выглядим. Мы постоянно заботимся о том, как нас видят и как мы хотим, чтобы нас видели, и не упускаем возможности назвать жертвой человека, попавшего в лапы нарцисса мужского или женского пола.

Немецкий историк Эдуард Фукс в третьем томе своей иллюстрированной истории нравов обращается к эпохе абсолютизма во Франции, называя ее «галантной эпохой» – то есть временем от правления Людовика XIII до Великой французской революции и казни Людовика XVI. Эту эпоху мы с чистой совестью можем назвать нарциссической. Фукс пишет о пышных постройках того времени: «Обширная передняя, огромные залы и галереи. Стены покрыты сверху донизу зеркалами, ослепляющими взоры. Без зеркал не могут обойтись ни поза, ни жажда представительствования[2].

Что ж, многие из вышеупомянутых характеристик нарцисса, возможно, и впрямь в большей или меньшей степени соответствуют действительности. Однако, вырванные из

[2] Здесь и далее перевод В. М. Фриче.

контекста происхождения, они лишь удовлетворяют нашу потребность в разделении – то есть во включении и исключении других из групп и отношений, в классификации вещей, событий и людей как «добрых» или «злых». Причем последнее – в первую очередь для того, чтобы утвердить собственную невиновность. Но действительность ли это – или скорее стигматизация? Присоединение к общему хору, который указывает на нарцисса как на козла отпущения, виновного во всех бедах? Чтобы затем наказать его изгнанием?

А как же те, кого мы называем нарциссами и все же избираем главами государств, народными представителями? Считаем ли мы их, несмотря ни на что, достойными управлять нами, можем ли мы доверить им руководство страной? Мы отказываемся от части собственной власти в надежде, что они будут заботиться о нас и защищать нас. А как же актеры, инфлюенсеры, миллионеры и знаменитости, которыми мы восхищаемся – а порой и завидуем? И которым многие из нас стремятся подражать, желая достичь того же, чего достигли они?

В связи с эпохой абсолютизма Эдуард Фукс пишет: «Историческая ситуация порождает княжеское самовластие, равно как и ограничивает его, и не личность формирует схему своего времени, а наоборот». И иллюстрирует это высказывание перечислением трат Марии Антуанетты, жены Людовика XVI, на свою близкую подругу, и добавляет, что находиться в дружеских отношениях с членами королевских се-

мей было очень выгодно. «Поэтому верность королю зачастую была лишь неприкрытым страхом потерять теплое местечко». Таким образом, обе стороны, по всей видимости, зависели друг от друга: король и королева нуждались в свите для поддержания своей власти так же, как двор нуждался в монархах. Или посмотрим на это так: монархи нуждались в подданных, без которых они не могли бы играть эту роль или финансово подкреплять ее, а подданные нуждались в монархах, чтобы приобщиться к их кормушке. Вот почему они возвели их на пьедестал.

Швейцарский психоаналитик и этнолог Марио Эрдхайм в своей книге «Общественное производство бессознательного» цитирует испанского миссионера и этнолога Бернардино де Саагуна (1499 или 1500–1590), который сообщал о тогдашнем правителе ацтеков Монтесуме: «В то время, как говорят, были принесены в жертву несколько плененных рабов. Через них (то есть через их жертвенную смерть) Монтесума обретал силу и духовную мощь, мог применять их и оказывался способен выполнять свои обязанности. Говорят, таким образом он омолаживался, намереваясь дожить до преклонных лет; через них обретал славу, становился сильным, как хищник, внушая всякому ужас». Здесь мы видим, как абсолютная власть – нарциссическое всевластие одного – рождается из бессилия, а порой даже из смерти другого.

С помощью этой книги я хочу раскрыть причины и принципы феномена, который мы сегодня называем нарциссиз-

мом. Также я стремлюсь глубже понять поведение людей, на которых навешивается этот ярлык. Речь идет вовсе не о попытке оправдания нарциссического поведения – каждый человек несет ответственность за свои поступки и мысли перед собой и окружающими. Скорее я стремлюсь выявить индивидуальные и общественные условия, которые приводят как к появлению таких людей, так и к влечению к ним, – чтобы в конечном итоге не ставить под угрозу баланс сил и не допускать возникновения структуры «всевластие – бессилие».

Нарцисс у Овидия

Начнем с «Метаморфоз» древнеримского поэта Овидия. Он написал ее в начале нашей эры, примерно во времена рождения Христа. В третьей книге этой эпической поэмы он подробно рассказывает историю Нарцисса – от зачатия и рождения до самой смерти. Мы не можем оставить без внимания важные строки, в которых мать спрашивает прорицателя Тиресия, будет ли ее сыну Нарциссу уготована долгая жизнь и зрелая старость. И тот отвечает: «Коль сам он себя не увидит». И, забегая вперед: Нарцисс увидел себя – что привело его к гибели.

Большинство интерпретаций – от Зигмунда Фрейда до современных – подчеркивают самовлюбленность Нарцисса и его неспособность любить других. Со временем простой зеркальный образ в пруду превратился в зеркало, увеличивающее отражение. Это особенно интересно, ведь вода не искажает отражение подобным образом; в какой момент и по каким причинам зеркало стало «увеличительным стеклом», могло бы стать предметом отдельного исследования.

Однако мы уходим от первоначального мифа, ограничиваясь только идеей самовлюбленности. За десятилетия до Овидия о Нарциссе писал греческий поэт Партений из Никеи, которого в 73 году до н. э. привезли в Рим как военнопленного. Он передал одну из версий мифа о Нарциссе,

где говорится, что юный Нарцисс отказывался от роли любовника взрослых мужчин – практики, весьма распространенной в древних Афинах. Он, как это часто бывает в юности, открыл для себя собственную красоту и в конце концов погиб из-за невозможности реализовать свое влечение к другому человеку: «Нет нигде того, кого ты желаешь».

Овидий оставил интерпретацию, дошедшую до наших дней: самовлюбленность и недостижимость этого «Ты»/«Я» в итоге ведет к гибели Нарцисса. При этом нельзя упускать из виду образ нимфы Эхо, столь важный для понимания мифа. Она – женское отражение Нарцисса: если бы они соединились, то не погибли бы. Об этом подробнее поговорим в одной из следующих глав.

Я сознательно опускаю другие греческие источники и ради простоты ограничиваюсь произведениями Овидия и Партения, которые постараюсь связать между собой. В моей интерпретации смерть рассматривается как возможный выход из внутреннего конфликта Нарцисса – одиночества и замкнутости на самом себе и своем отражении. Пути наружу закрыты: там подстерегают ненасытные нимфы, осаждающие Нарцисса, а также отвергнутые мужчины и женщины, жаждущие мести. Нарцисс остается один – брошенный, охваченный чувством вины. Нарцисс разочаровал ее[3] и других водных и горных нимф, так же как до этого избегал отношений с мужчинами. Тогда отвергнутые воззвали к эфи-

[3] Нимфу Эхо. – *Прим. автора.*

ру, взмолившись: «Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет любимым!» Рамнусия удовлетворила справедливую просьбу.

Отвергнутые обращаются за поддержкой к богине возмездия, чтобы та помогла отомстить Нарциссу и обрекла его на ту же судьбу: быть непринятым и отвергнутым. Анализируя образ Нарцисса – как в греческой, так и в латинской версии, – я изучаю вину, которую на него возложили: а именно – обязанность бескорыстно удовлетворять желания тех, кто его вожделеет. И поскольку он не соответствует этим требованиям, ему приходится расплачиваться.

Сложно представить себе более жестокое наказание – не найти человека, к которому можно было бы испытывать влечение. Для Нарцисса это означало замкнуться на самом себе.

Поскольку жизнь, как правило, предполагает наличие спутника или спутницы – особенно для такого красивого юноши, как Нарцисс, – древние авторы с изяществом и остроумием использовали образ зеркального отражения, чтобы показать всю жестокость и безысходность этого наказания.

> НАРЦИСС И САМ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЪЕКТОМ ВЛЕЧЕНИЯ ОТРАЖЕНИЯ – И ВСЕ ЖЕ ОНИ НЕ МОГУТ НИ ПРИКОСНУТЬСЯ ДРУГ К ДРУГУ, НИ ПОЦЕЛОВАТЬСЯ, НИ ВСТРЕТИТЬСЯ.

Эта замкнутость в чувстве вины, во внутреннем конфликте: либо удовлетворять желания, нужды и ожидания других, либо остаться в одиночестве, заточенным в себе, – душераз-

дирающая. Чтобы не сгореть, как Нарцисс, в собственном пламени, не умереть от отчаяния, существуют пути, которые делают этот конфликт выносимым, а жизнь – стоящей того, чтобы ее прожить. Об этом тоже пойдет речь в этой книге.

И, забегая вперед: все возможные выходы для нарциссов, которые я опишу далее – можно также назвать их стратегиями выживания, – в наше время либо стигматизируются, либо, напротив, считаются желательными моделями поведения.

Пространство для «я» и «ты»

Для начала поговорим о различных формах взаимоотношений, знание которых является необходимым условием для понимания и сравнения возможных путей выхода Нарцисса из внутреннего конфликта.

> СВЯЗЬ, НЕ ОСНОВАННАЯ НА НЕРАВЕНСТВЕ, ВЛАСТИ, ЗАВИСИМОСТИ И ПОДАВЛЕНИИ, НЕ ОСНОВАННАЯ НА ЭКСПЛУАТАЦИИ И ОБМАНЕ – БУДЬ ТО НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОМ УРОВНЕ, – НАЗЫВАЕТСЯ МЕЖСУБЪЕКТНОСТЬЮ. ЕЕ ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА В ТОМ, ЧТО ЛЮДИ ПРИЗНАЮТ ДРУГ В ДРУГЕ ИНАКОВОСТЬ: ОДИН ЧЕЛОВЕК ПРИЗНАЕТ, ЧТО ДРУГИЕ – ЭТО НЕ ОН, ЧТО ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ НЕГО, И ВОСПРИНИМАЕТ ИХ КАК «НЕ-Я».

Однако часто под отношениями мы понимаем прямо противоположное: что мы должны быть как можно более похожими друг на друга, мыслить одинаково или хотя бы схожим образом, интересоваться одним и тем же, чтобы строить крепкие отношения или сообщества. Местами, конечно, допускаются и определенные различия – не в последнюю очередь для того, чтобы стимулировать живой и вдохновляющий обмен. Тем не менее само стремление к «похожести»

влечет за собой раскол: люди незаметно начинают делить окружающих и их взгляды на правильные и неправильные, на хорошие и плохие – и склонны к тому, чтобы наказывать изгнанием всех, кто не хочет подстраиваться под «одинаковость».

Межсубъектная связь не имеет ничего общего с толерантностью или любовью. Она скорее является фундаментальным условием для того, чтобы человек мог стать «я»; и необходима для того, чтобы «я» вообще могло сформироваться. «Я» возникает только во взаимоотношении с другим, с «ты». «Я» всегда реляционно, то есть оно существует как субъект взаимодействия, как часть отношений: без «ты» нет «я» – и наоборот. Это ярко иллюстрирует и миф о Нарциссе: в своем отражении он не находит ни «я», ни «ты». «Тень, которую зришь, – отраженный лишь образ, и только. В ней – ничего своего», – пишет Овидий. Такое взаимодействие разрушает «я» – оно становится тюрьмой, в которой «я» умирает, как и получилось в случае Нарцисса.

Таким образом, мы зависим от «другого», от всех этих «ты», которые находятся вне «я», – чтобы быть собой. Два человека – минимальная единица отношений – в идеале вместе создают межсубъектное пространство: то есть, помимо «я» и «ты», появляется третий элемент – пространство, в котором возможны диалог, конфликт, консенсус и влечение. В межсубъектном пространстве не существует симбиотического слияния, потому что это означало бы уничтожение раз-

личия, которое всегда существует между двумя людьми. Это означало бы, что «я» и «ты» сливаются в одно. Тем самым разрушается творческое межсубъектное пространство, необходимое для развития личности как «я».

Многие романтические отношения строятся на более или менее симбиотическом принципе. Партнеры сливаются в единое целое: едят одно и то же, ложатся спать одновременно, ходят вместе гулять, ездят в отпуск – живут в одном ритме, в па-де-де. Это дает ощущение защищенности и стабильности. Но симбиотические отношения уязвимы: они подвержены манипуляциям, подчинению и, как следствие, могут привести к психологическим или физическим заболеваниям.

В межсубъектной связи единственное, что объединяет двух людей, – это взаимное признание различий. Оно также является условием для того, что мы называем свободой. Ее основа – именно межсубъектность, потому что она защищает людей от насилия – будь то социального, политического или личного – и сохраняет целостность каждого человека как личности, позволяя «я» творчески и свободно развиваться – и в отношениях, и в обществе. Такая форма признания другого включает в себя и то, что одно «я» не может возвышаться над другим – ведь если я признаю отличие другого, мое собственное «я» тоже становится относительным. Это и есть свобода: потому что доверие в отношениях, основанных на осознании зависимости «я» от «ты», препятствует

нарциссическому разрастанию и, как следствие, формированию борьбы за власть. Признание отличия другого не подразумевает уравнивания, напротив: его можно переживать без создания иерархий, без подчинения, несправедливости и насилия. Это и есть суть свободы: возможность полагаться на личную ответственность каждого.

Интересная иерархическая сезонная вариация, замеченная у инуитов, описана американским антропологом Дэвидом Гребером и британским археологом Дэвидом Венгроу в книге «Заря всего», вышедшей в 2021 году: «Летом инуиты делились на группы по 20–30 человек, ловили пресноводную рыбу и охотились на карибу и северных оленей, – все это под руководством единственного мужчины-лидера. В это время они ревниво охраняли свое имущество, а глава семьи имел сильную, иногда даже тираническую власть над домочадцами. […] Однако в долгие зимние месяцы, когда стаи тюленей и моржей прибывали к арктическим берегам, происходил резкий переворот. Инуиты собирались в одном месте и строили большие иглу из дерева, китовых ребер и камней. В этих домах царили равенство, альтруизм и общественная жизнь. Имущество делилось, а мужчины и женщины под покровительством богини тюленей Седны практиковали свободный обмен партнерами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.